

есть большими буквами набрана фамилия Петра Мартыновича и маленькими-маленькими наши, принимавших, как сказано было, участие в концерте. Нас придали мастеру, так как сольными концертами Алейников не занимался. К сожалению, та же беда — безволие, да еще и русская лень-матушка не позволили ему блистать на эстрадах страны с интересным репертуаром, он ограничивался лишь рассказом «Левин и печник» и редким исполнением в паре со Степаном Каюковым рассказа Чехова «Дорогая собака». Если и были еще какие-то работы для концертных выступлений, то они, очевидно, были настолько эпизодичны, что мало кто из артистов о них знал.

Так вот, значит, — гастрольная поездка... Первый концерт в Донецке. Каждый следующий — в другом городе и везде на сценах больших, чаще всего открытых площадках, битком набитых зрителями. Ну просто паломничество! Во всех концертах Петр Мартынович появлялся на сцене последним. Все номера, шедшие до его появления — соло на рояле, сценки из спектаклей, инсценированные рассказы Чехова и Зощенко принимались сдержанно, чувствовалось, что ждут «явления народу» Алейникова. И вот наступал момент, когда наконец нужно было объявлять фамилию главного артиста. Ведущему не удалось ни разу это сделать. Он успевал сказать лишь несколько слов: «Ну вот, настало время...» или «вы, конечно, заждались...», «я с особым удовольствием»... и все. Дальше дело не шло. Везде, как по команде, разражалась овация, зал вставал и не давал уже Алейникову раскрыть рта. На сцену выскакивали женщины, мужчины, старые и молодые, с цветами, подарками, иногда с бутылками или вина, или водки, или шампанского, или всего вместе. Его обнимали, целовали, бывало, качали (однажды уронили), наливали прямо на сцене зелье, отрывали пуговицы, преподносили подарки, самые разные — от корзин с фруктами и овощами, сала, бутыли молока до целого жареного барана или поросенка. Нельзя забывать, что происходило это все в шахтерских местах, где Алейников был особенно любим благодаря кинофильму «Большая жизнь», посвященному жизни шахтеров, в котором он сыграл своего знаменитого Ваню Курского...

На двух или трех концертах зрители вели себя поспокойнее, но тем не менее доводило его до слез, что не позволяло ему, как и на всех представлениях, совладать с собой, успокоить зал и что-либо читать. Иногда он успевал, вытирая слезы, произнести в микрофон лишь несколько слов:

«Братцы, да разве ж можно так» или «Милые, что же это вы со мной делаете...», которыми еще больше подогревал ажиотаж зрителей и, постояв минут пятнадцать на сцене в обнимку с цветами, заплаканный уходил и быстро-быстро уезжал в машине, которая на всех парах всегда ждала его прямо у ступенек сцены. Понятно теперь, надеюсь, почему давался только один концерт в каждом городе, а где следующий — зрители не знали. Ни на одном концерте гастролер ничего не читал и ничего не рассказывал, но тем не менее в каждой рецензии, а их было десять — соответственно количеству концертов, — присутствовало сообщение о том, что наибольшим успехом пользовалось выступление «нашего дорогого и любимого Петра Алейникова».

Мы — молодые артисты — были, конечно, влюблены в мастера и в течение всей поездки испытывали чувство некоторой неловкости — дескать, при чем тут мы, сопляки? И только сознание того, что мы до некоторой степени как бы выручали его — все-таки мы держали внимание зрителей довольно долгое время — нас успокаивало и позволяло с восхищением наблюдать ежевечерние психологические спектакли — «Сила таланта и любовь народа». Это сильнейшая драматургия! Драматургия, совершенно освобожденная от необходимости натужно что-либо придумывать, врать, приспособливаться, заниматься «измами», уставать и нести язык на плечах в погоне за модой и т. д.

«Талант и народ» — и все!!!

...Прошло много лет. Петра Мартыновича уже не было с нами. Живу я около зоопарка. Часто туда заглядываю. Страшно смотреть на тюрьмы для животных! Познакомился со сторожем. Рассказал он мне, что был хорошо знаком с Алейниковым. Он часто приходил к нему рано-рано утром, до открытия и немного пригубливал заготовленное им, сторожем, загодя горячительного, гулял по территории, подружился с волком Нориком. Сначала просто наблюдал за ним, любовался, потом стал с ним разговаривать, угощал, бросив в клетку чего-нибудь вкусенького: колбаски, сыр-ка. Как-то дал волку кусочек хлеба, смоченного в водке, — тому понравилось. Дружба крепла... Зверь стал брать гостиночки прямо из рук и... в один прекрасный день лизнул — поцеловал дружка. Сторож видел это. Он видел, как Мартыныч еле-еле сдержал слезы и каким-то прерывистым, доверительным шепотом произнес, почесывая бок хищника: «Норик, ты лучший среди людей!!!».